

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2019, №4, Том 7 / 2019, No 4, Vol 7 <https://mir-nauki.com/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Буланова И.С., Смолянский П.В., Чернов А.Ю. Идентичность и смысловая система солдата: опыт нарративного анализа военно-исторических мемуаров // Мир науки. Педагогика и психология, 2019 №4, <https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bulanova I.S., Smolyansky P.V., Chernov A.Yu. (2019). The identity and semantic system of a soldier: the experience of a narrative analysis of military-historical memoirs. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 4(7). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/03PSMN419.pdf> (in Russian)

УДК 159.9.075

ГРНТИ 15.21.51

Буланова Ирина Сергеевна

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Волгоград, Россия
Доцент

Кандидат психологических наук

E-mail: bis_m@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2387-9498>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=737986

Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?user=LMrKycEAAAAJ&hl=ru>

Смолянский Павел Викторович

Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград, Россия
Советник директора

Кандидат политических наук, доцент

E-mail: pavel.68smol@gmail.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=438954

Чернов Александр Юрьевич

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Волгоград, Россия
Профессор

Доктор психологических наук, доцент

E-mail: a.chernov1@yandex.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=636923

Идентичность и смысловая система солдата: опыт нарративного анализа военно-исторических мемуаров

Аннотация. Авторами представлено эмпирическое исследование идентичности и смысловой системы солдата. Интерес психологии к личности человека в конкретном временном контексте отражен в многочисленных биографических и психоисторических исследованиях, частности посвященных военной истории, поведению и переживаниям человека на войне. В этой связи приобретают научную актуальность свидетельства очевидцев и участников Великой Отечественной Войны, которые содержат богатый психологический материал. В них проявляются их человеческие свойства, видны когнитивные, аффективные и поведенческие ответы на складывающиеся обстоятельства. Тогда предметом исследования выступает индивидуальный опыт человека на войне, свойственная ему система смыслов, тесно связанная с его ролевой, социальной и личностной идентичностью.

В качестве метода исследования был использован нарративный анализ. Данный метод исследования системы смыслов и особенностей идентичности людей – участников боевых действий во время ВОВ переводит их воспоминания из разряда исторической хроники в область научного психологического исследования. В статье нарратив определяется как ментальная схема, соединяющая индивидуальные действия и события во взаимосвязанное и понятное целое. Нарративы выполняют функцию репрезентации идентичности и обеспечивают единство убеждений и ценностей, предлагают положительные образцы для подражания.

В качестве эмпирического объекта в исследовании использовались воспоминания участника Великой отечественной войны. Цель исследования состояла в выявлении характеристик идентичности участника боевых действий и связанных с ней особенностей смысловой сферы личности.

В качестве результатов приводятся итоги структурного и функционально-содержательного аспектов лингвистического материала, составляющего повествование. Установлено, что ролевая, групповая и личностная идентичность имеют выраженное смысловое наполнение: контроля над происходящими событиями и достижения высокого уровня самооэффективности, осознания ценности совершаемых действий, переживания положительной самооценки как удовлетворения потребности в успешной самопрезентации и демонстрации превосходства над врагом. «Психологический портрет» участника ВОВ складывается из опосредованных групповой, ролевой и личностной идентичностью аспектами смысла, которые позволяют глубоко понять действия героя повествования и придать им уникальное значение.

Ключевые слова: психоистория; нарративный анализ; ролевая идентичность; социальная идентичность; личностная идентичность; структурный анализ нарратива; содержательно-функциональный анализ нарратива

Новая социальная история, история повседневности, история ментальностей, микроистория, историческая психология претендуют на рассмотрение исторического процесса сквозь призму личности, ее самоопределения и самосознания. Разнообразие тем исследований на границе психологии и истории (от вопросов психического и социопсихического развития до попыток выявить культурно-исторические детерминанты поведения человека) свидетельствует в пользу их междисциплинарной кооперации. Вопрос только в том, чтобы продуктивно использовать уже существующие методологические предпосылки межпредметной интеграции [1].

Психологии не чужд интерес к личности человека в конкретном временном контексте. Типичным является психоисторический дискурс, а психоистория, по утверждению Л. Де Моса, выступает наукой об «исторической мотивации» и ставит перед собой цель объяснения действий индивидов в исторических группах, делает акцент на связи личности человека с его ролью в социальной, экономической и политической жизни [2].

Вместе с тем, очевидно, что результаты психоисторических исследований обычно являются продуктом исторического анализа, дополненного выводами, сделанными на основе психодинамической теории и клинических методов психиатрии. В этом случае внимание исследователя сосредоточено, прежде всего, на бессознательном или частично осознаваемом психическом материале [3–5]. Тогда приходится констатировать, что внутренние побуждения человека, его переживания, конфликтующие потребности и влечения, скрыты от него. Для исследователя же они существуют только как продукт его собственных интерпретаций.

Современная психология, никак в целом, не отрицая значения «глубинного подхода», придерживается другой точки зрения на личность человека, отдавая приоритет ее ментальному

осознаваемому слою. Д. Полкинхорн утверждает, что уникальные человеческие способности сознания создали особую среду – культуру и смысл. Эта среда содержит традиции и условности, которые предоставляют людям общее символическое пространство, детерминирующее их мышление и социальные действия, и способствующее взаимодействию людей друг с другом и выполнению групповых проектов» [6]. Предметом осознания выступает социальный и индивидуальный опыт человека, а его результатом – система смыслов, которые он придает собственной личности, находящейся в постоянном контакте с материальным и социальным миром. Формой внешней и внутренней репрезентации системы смыслов является социальная, ролевая и личностная идентичность человека. При этом важно понимать, что смыслы регистрируют не только индивидуальный опыт. В них отражаются ценности, закодированные в специфических для данной культуры повествованиях, историях, рассказах. Культурные «запасы смысла» не являются статичными. Они дополняются новыми вкладками или исключаются из оборота, как не востребованные. Поэтому от полноценно социализированной личности требуется осведомленность об исторически накопленных культурных смыслах [7; 8].

Возвращаясь к тематике изучения личности в историческом контексте, следует отметить, что в них нередко формулируются вопросы военной истории, поведения и переживаний человека на войне [9–12]. Вместе с тем остаются нетронутыми многочисленные воспоминания и свидетельства очевидцев и участников Великой Отечественной Войны, которые без сомнения, содержат богатый психологический материал. Их рассказы – это не просто историческая хроника. Они описывают действия и опыт бесчисленного количества людей. Эти люди обычно помещены в ситуации, в которых проявляются их человеческие свойства, видны когнитивные, аффективные и поведенческие ответы на складывающиеся обстоятельства. В этих ответах проявляются смысловые аспекты действующих лиц, их насущные мысли и переживания. В связи с этим, ретроспектива смысловой картины мира людей, живших и действовавших в условия ВОВ, представляет несомненный научный интерес. Его удовлетворение требует, в частности, апробации методов, альтернативных тем, которые типичны для психоистории.

Метод

В качестве метода изучения наполненного смыслами опыта человека современная психология предлагает нарративный анализ [13–18].

Нарратив понимается здесь как ментальная схема, соединяющая индивидуальные действия и события во взаимосвязанное и понятное целое [19; 20]. Нарративы выполняют важные функции. На индивидуальном уровне у человека есть нарратив его собственной жизни, который позволяет ему осмыслить, кем он является, где находится и куда направляется. На уровне культуры нарративы служат тому, чтобы обеспечить единство разделяемых убеждений и передачу ценностей. Они предлагают положительные образцы для подражания и отрицательные модели поведения, которых следует избегать.

В распоряжении исследователя есть довольно много моделей нарративного анализа, пригодных для эмпирического изучения системы смыслов и идентичности личности. Для всех справедливы принципы, соблюдение которых необходимо для выполнения условий валидности и объективности результатов [21]. Во-первых, нарратив рассматривается как совокупность эмпирических данных, имеющих вербальный характер. Во-вторых, особое значение имеет организационная схема нарратива, представленная в его сюжете. Сюжет связывает события между собой, помогая идентифицировать их целостное смысловое значение. Именно наличие сюжета вычленяет нарратив из хроники событий, в которой они просто

перечисляются в соответствии с их местом на линии времени. В-третьих, изложение в нарративе должно иметь четкую пространственно-временную последовательность, хронологический порядок; потенциальные причинно-следственные отношения легко идентифицируются. В-четвертых, повествование должно быть обеспечено адекватной тематической согласованностью, что позволяет не терять нити рассказа. В-пятых, в нем можно распознать явные ссылки на внутренние состояния, прежде всего, описание эмоционального опыта.

В качестве эмпирического объекта в нашем исследовании использовались воспоминания участника Великой отечественной войны. Цель исследования состояла в выявлении характеристик идентичности участника боевых действий и связанных с ней особенностей смысловой сферы личности. В работе реализован качественный подход в психологическом исследовании, предметно-целевые (герменевтический, описательный, идиографический характер) и инструментальные свойства которого (объективность, валидность) детально разработаны в наших предыдущих работах [22].

Заявленная цель исследования достигалась поэтапно. На каждом этапе решались специфические для него исследовательские задачи. Первый этап посвящен структурному анализу лингвистического материала, составляющего повествование. На втором этапе проводился анализ психологического содержания повествования для выявления его смыслового наполнения. Этот этап может быть назван функционально-содержательным.

Результаты первого этапа

Первой задачей структурного анализа исследуемого лингвистического материала было установить его соответствие описанным выше критериям «полноценного» нарратива. С нашей точки зрения, в анализируемом рассказе целесообразно различать эксплицитный и имплицитный компоненты его структуры. Эксплицитно, повествование состоит из шести явно дифференцируемых эпизодов военных действий. В них описывается участие протагониста (воина – танкиста) в боях против немцев. Они согласованы во временной последовательности, имеют «начало», «кульминацию» и «развязку», то есть выстраиваются в сюжет, который отражает мотивационные, ценностные и смысловые ориентации рассказчика. Вместе с тем, эти ориентации не выражены явно, им не дается дефиниций, и их психологическое наполнение скрыто от внешнего наблюдателя. Поэтому для прояснения психологической стороны структуры повествования необходимо обратиться к элементам ее имплицитного компонента.

Первым из таких элементов является нарративный тон. Нарративный тон выражает общее эмоциональное отношение рассказчика к излагаемым событиям, эпизодам, к своей роли. Распространенной дихотомией при определении нарративного тона является противопоставление «пессимизм – оптимизм». Повествование преимущественно состоит из эпизодов, имеющих негативную эмоциональную окраску: «...город горел, и дым и пыль скрывали всю видимость поля боя...»; «немцы в это время перевели огонь на мой танк, расстояние было метров 800»; «...немцы успели поджечь несколько домов и расстрелять несколько наших пленных красноармейцев»¹. Но общий тон повествования остается оптимистичным, даже патетическим. Достигается это рассказчиком за счет упоминания о своих личных победах в различных боевых эпизодах, наградах, которые он получил, чувствах причастности к общей победе над врагом.

¹ Воспоминания Бутырина Ивана Ульяновича, гвардии лейтенанта, командира танка Т-34 1-го танкового батальона 27 Гвардейской Отдельной танковой бригады (от 01.01.1943 г.), МЗСБ КП 20817.

Второй элемент имплицитного компонента структуры нарратива – это представленные в нем образы. В нашем случае целесообразно остановиться на одном из них, а именно на образе «врага». Психологическое содержание этого образа в повествовании характеризуется специфической эмоциональной динамикой. В начальных эпизодах нарратива выражаются амбивалентные чувства по отношению к противнику: «И когда я увидел недалеко от себя человек 10 немцев, то я сперва не решался в них стрелять. Немного было страшно и, вдобавок, была жалость: ведь они тоже люди»; «...я тогда не почувствовал перед собой никакой заслуги. Но когда мне все объяснили, что я задержал наступление на целые сутки, где наши части успели занять оборону, и на другой день мы дали противнику отпор. Но и после этих боев я почти также остался равнодушным к противнику»¹. Эмоциональная наполненность образа «врага» кардинально меняется, когда пройдена кульминация рассказа. В виду важности этого эпизода приведем его полностью.

«А после этого наша рота попала в окружение, и мне пришлось много повидать, что немцы проделывали в тылу. В каждой деревне почти ничего не осталось после их прихода. В каждой деревне лежали трупы мирных жителей. Помню один случай, который ... остался в моей памяти на всю жизнь. Это было осенью 1941 года. Мы прорывались из окружения к своим частям. И вот мы ворвались в деревню Тепловку. Оружие у нас было не у всех, а если было, то только наганы... Немцы в панике бросили все и драпали многие даже босиком и в одних нательных рубашках. Но в деревне представилась ужасная картина. Немцы успели поджечь несколько домов и расстрелять несколько наших пленных красноармейцев. И вот люди горят, и свиньи ходят по деревне и тормозят мертвых. У некоторых кишки повыскакивали, и эти кишки растянулись по улице как провода. Я заскочил в одну избу и увидел на полу трех немцев, лежащих на полу, которые были ранены. И меня взяло такое зло..., я недолго думая вскинул свою винтовку ... и давай их расстреливать прямо в упор, потому что в плен их брать было некуда ибо мы сами были в окружении. И когда я их убил, то увидел, что из-под топчана торчат ноги. Я давай его тащить за ноги, он оказался совсем здоровым, и в руке у него наган. Я тогда его по голове ударил прикладом и после этого выстрелил в упор и хотел уйти из хаты. Смотрю, в которого немца я стрелял, он лежит все еще живой... Тогда я давай его прикладом бить в голову, пока у него не вывалились мозги»¹.

Стрессовая ситуация, «кристаллизация негатива» явилась пусковым механизмом эмоциональной переоценки центрального образа нарратива [23]. Далее в остальных эпизодах этот образ сопровождается следующими комментариями: «И вот с тех пор я стал их ненавидеть как каких-то диких зверей. С тех пор, где бы они мне ни встречались, то редко кто уходил живыми»; «Ненависть к врагу теперь у меня вспыхнула так горячо, что я готов в любую минуту скорее двинуться на врага»¹. Образ «врага» становится «культурным интроектом», мотивирующим поступки рассказчика.

Третий элемент имплицитного компонента структуры нарратива представлен его темой. Следует сказать, что в повествовании присутствуют темы разного уровня обобщения. Поэтому для их согласования целесообразно использовать аналитические процедуры, которые позволяют идентифицировать целостный смысл интерпретируемого текста. Одной из таких процедур является сетевой тематический анализ. Посредством этого анализа могут быть выявлены иерархически связанные темы повествования [24; 25].

Базовые темы – это темы наиболее низкого уровня, вычленяемые непосредственно из излагаемого материала. Несколько смежных базовых тем образуют единство, называемое «организующие темы». Организующие темы – это темы среднего уровня, представляющие собой кластеры, состоящие из базовых тем, касающихся одной и той же проблемы или смежных проблем. Таким образом, они являются абстракцией более высокого уровня и с большей точностью позволяют обращаться к скрытым смыслам высказываний. Их функция – прояснить

значения, содержащиеся в базовых темах. В них концентрируются идеи, общие для нескольких базовых тем. В то же время, организующие темы образуют совокупности, на основе которых появляется возможность выявить еще более широкие значения текста, как целого. Такие совокупности обозначаются как «генеральная тема». Генеральная тема является супер – ординативной по отношению к двум предшествующим. Таким образом, генеральная тема сообщает нам, о чем, собственно, идет речь в анализируемом тексте. Генеральная тема одновременно является суммой всех других тем текста и его интерпретацией. Результаты сетевого тематического анализа представлены на рисунке 1.

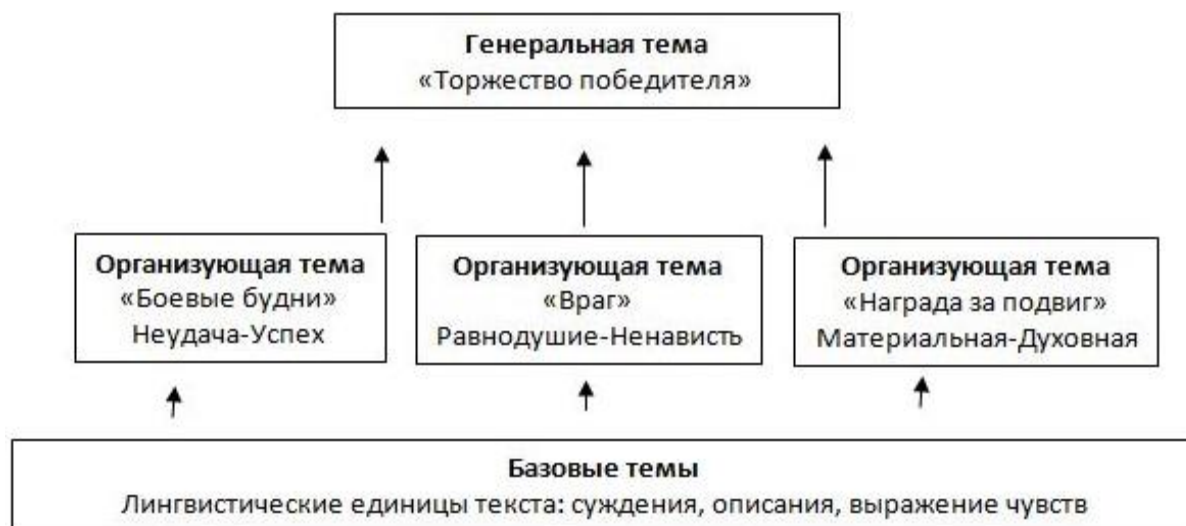

Рисунок 1. Результаты сетевого тематического анализа (составлено авторами)

Множество базовых тем, встречающихся в нарративе (эпизоды боев, иллюстрации отношения к противнику, описания собственных действий «героя» рассказа, упоминания о его отношениях с однополчанами и т. д.) позволяет назвать, по крайней мере, три организующие темы: (1) «Боевые будни»; (2) «Ненависть к врагу»; (3) «Награда за подвиг». Каждая из организующих тем представляет собой редукцию составляющих ее лингвистических единиц (высказываний) к биполярным конструктам. В свою очередь, организующие темы составляют генеральную тему нарратива – «Торжество победителя», отражающую его общий смысл, позволяющее главному действующему лицу определить свою позицию по отношению к излагаемым фактам, эксплицитировать свое мироощущение.

Результаты второго этапа

Рассказ «производится» как средство коммуникации с внешним миром, его главная функция – это функция атрибутивной или репутативной самопрезентации². Структурный анализ нарратива устанавливает формальные связи между составляющими его эпизодами, выявляет соотношение ведущих тем повествования, но немного прибавляет к фиксации его психологической сущности. Приблизиться к ее пониманию позволяет содержательный анализ нарратива. Условием его успешности является обращение к взаимосвязанным конструктам

² Self-presentational tactics that attempt to convey that a person possesses particular characteristics or is a particular kind of person are called attributive tactics. Often, however, people are more interested in conveying that they aren't a certain kind of person. Tactics that deny that the person possesses particular characteristics or is a particular kind of person are called repudiative tactics.

Mark R. Leary Self-Presentation: Impression Management and Interpersonal Behavior. – Westview Press: Boulder, CO. – 1996. – P. 17.

идентичности и смысла. Идентичность понимается как интернализированная позиция человека по отношению к миру и самому себе. Смысл отражает осознанный опыт активности человека, осуществляемой с точки зрения освоенных и присвоенных позиций. Таким образом, предметом содержательного анализа нарратива становится лингвистически выраженная в нем взаимосвязь идентичности и ее смыслового наполнения. Цель содержательного анализа – выявить компоненты идентичности и ее смыслообразующие аспекты.

В качестве методического приема для достижения этой цели было выбрано последовательное обращение к лингвистическому материалу выявленных базовых тем нарратива. Так, организующая тема «Боевые будни» насыщена описанием действий во время боев:

«я ... все же решил вынести пулемет из танка и оборонять его снаружи»;

«я сразу вскочил в машину и давай сам заряжать и сам стрелять...»;

«...а потом противник пустил на мой танк 8 танков, и я из них 2 подбил и один зажег ... немного спустя, они, опять пустили 12 танков, я подбил опять один танк»;

«в атаку мы пошли на рассвете. Но противник нас контратаковал большим количеством танков. Контратаку его отбили, сожгли 7 танков и несколько танков подбили и двинулись вперед»¹.

Действия, предписываемые человеком себе и распознаваемые им, составляют основу ролевой идентичности [26].

Роль осознается ее носителем, ролевым действиям придается смысл. В данном случае смыслообразующей основой выполнения ролевых действий является установление контроля над происходящими событиями и достижение высокого уровня самоэффективности.

Организующая тема «Враг» рождается, одной стороны, как набор образов противника, которому надо противостоять в бою:

«...я увидел недалеко от себя человек 10 немцев»;

«немцы в это время перевели огонь на мой танк»;

«а потом противник пустил на мой танк 8 танков, и я из них 2 подбил и один зажег»;

«еще раз увидели зверство немцев, которые причинили в городе Сталинграде и его окрестностях».

С другой стороны, имеются образы референтных, с точки зрения боевых действий, персонажей:

«...механик и башенный (удрали)»;

«командир роты выскочил, чтобы остальные танки направить вперед и нашу машину отбуксировать в тыл»;

«...с механиком открыли люк мотора, и давай тушить огонь»;

«вдруг один танк, идущий рядом со мной, загорелся. Экипаж, смотрю, выскочил весь (двое залегли) и немецкий автоматчик открыл по ним огонь»;

«механику приказал прямо заехать на них и затащить в десантный люк. Таким образом, я спас весь экипаж»¹.

Вместе с тем эта тема не составлена как просто набор образов, подчиняющихся логике «свой-чужой». Она включает лингвистические единицы, выражающие эмоционально насыщенное отношение к «чужим».

«...была жалость ведь они тоже люди»;

«но и после этих боев я почти также остался равнодушным к противнику»;

«...и вот с тех пор я стал их ненавидеть как каких-то диких зверей»;

«ненависть к врагу теперь у меня вспыхнула так горячо, что я готов в любую минуту скорее двинуться на врага»¹.

Это позволяет говорить об еще одном смыслообразующем аспекте нарратива, а именно об осознанной ценностной составляющей основы совершаемых главным персонажем действий. Таким образом, организующая тема «Враг» выражает групповую или социальную идентичность рассказчика. Социальная идентичность является результатом категоризации человеком множества своих социальных отношений и причисления себя к группе, которую он считает «своей» или «референтной». Если в случае ролевой идентичности человеку важно ответить себе на вопрос «Что я делаю?», то групповая идентичность позволяет установить «Кем я являюсь?». Следствием причисления себя к референтной группе является конструирование человеком индивидуальной системы ценностей, роль которой наиболее ярко проявляется при принятии и интерпретации моральных решений. В них человек реализует сознательный и ответственный выбор не только в плане внешне заданных альтернатив, но и в плане достигнутого потенциала саморегуляции как внутренней динамики движения мотивов и целей и смыслов [27].

В нашем случае групповая идентичность (принадлежность к «своим») предопределяет ценностный выбор главного действующего лица нарратива в пользу ненависти к «чужим». В свою очередь, сделанный выбор служит и средством рационализации проявленной жестокости в ситуации, где ее, казалось бы, можно избежать. Речь идет об упомянутом выше фрагменте, описывающем расправу с немцами, оказавшимися в беззащитном положении. С точки зрения процессов саморегуляции, эта расправа спровоцирована «концентрацией негатива», вызвавшей сильный дистресс. В то же время при изложении последовательности событий выбран способ, который освобождает рассказчика от ответственности за проявление жестокости и позволяет найти оправдание своим действиям. Это оправдание, прежде всего, заключается в акцентировании внимания на том, что «чужие» (враги) наносят «своим» непоправимый и непростительный вред.

Организирующая тема «Награда за подвиг» содержит лингвистический материал, имеющий значение позитивного подкрепления осуществляемого поведения.

«Когда мы нашли свою часть, то командир части стал нас поздравлять. Мне объяснили, что я задержал наступление на целые сутки, и наши части успели занять оборону, а на другой день мы дали противнику отпор».

«Когда мы вышли из окружения, мне присвоили звание младший лейтенант и посадили меня командирский танк».

«А после ремонта произошел более интересный случай, за что я был награжден орденом красной звезды».

«...я спас весь экипаж. В тот же день я сжег еще один немецкий танк. За это я был награжден орденом Красного знамени».

«...у Сталинграда я уничтожил на своем танке вместе с экипажем 1 танк, 5 пушек 50 солдат и офицеров за что весь мой экипаж представили к наградам»¹.

Кроме этого, в тексте есть указание на переживание чувства гордости за достигнутые успехи:

«А в дальнейшем нам выпала большая честь окружить противника у Сталинграда и уничтожить его».

«Наша часть ... задачу выполнила, получила гвардейское звание; в том числе и я участвовал в тех боях и также немало уничтожил немецких захватчиков и его техники»¹.

В этой организующей теме раскрывается содержание личностной идентичности. Личностная идентичность определяет человека не как члена той или иной группы или исполнителя специфической роли, а как индивидуальность, обладающую комплексным самоотношением, позволяющим сохранять чувство адекватности и стабильного владения собственным «Я» независимо от ситуации [28]. Смысловой эффект личностной идентичности связан с «переживанием» самооценки, как относительной частоты положительных и отрицательных эмоций, которые следуют из оценки личных качеств, проявляющихся в значимых для человека ситуациях. Смысловое значение положительной самооценки состоит, с одной стороны, в психологическом регулировании трудных событий жизни, интерпретации трудностей как условия достижения личностно значимой цели. С другой стороны, смысл положительной самооценки – удовлетворение потребности в успешной самопрезентации, демонстрации превосходства, в данном случае, над врагом.

Таким образом, результаты содержательно-смыслового анализа исследуемого нарратива можно представить в таком виде (рисунок 2):

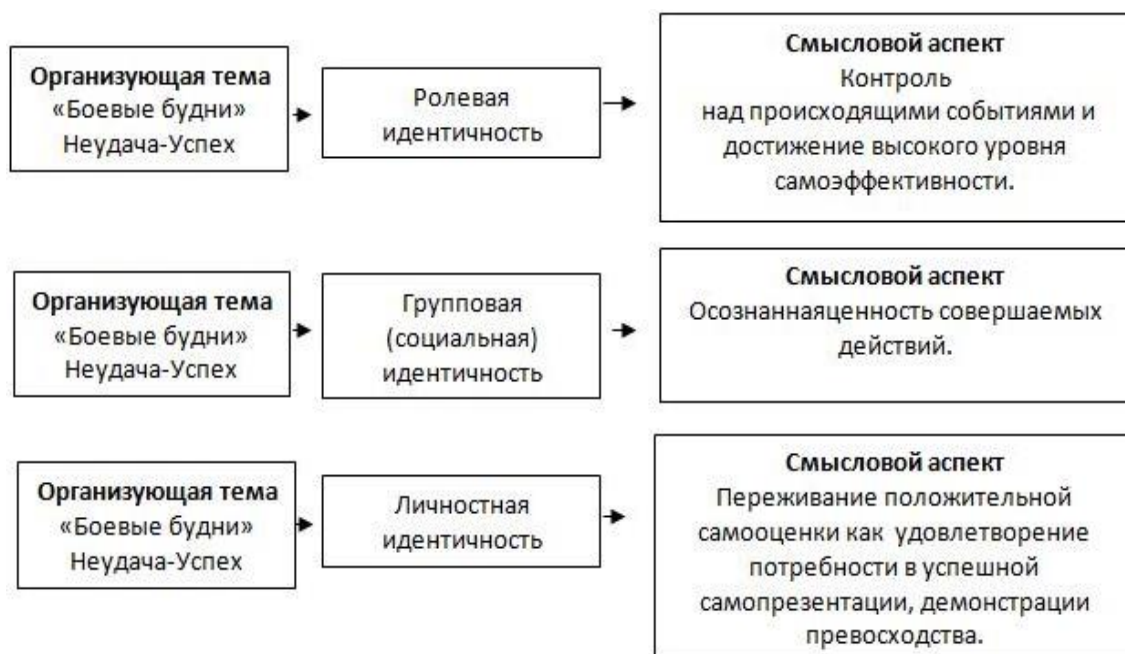

Рисунок 2. Результаты
содержательно-функционального анализа нарратива (составлено авторами)

Обсуждение результатов

Информацию, содержащуюся в тексте, можно представить как хронологический протокол, в котором ситуации и события упорядочены во времени относительно других ситуаций и событий. События и действующие лица в таком протоколе закодированы как элементы истории. Их порядок образует «летопись», последовательность эпизодов, связанных между собой репрезентациями, извлекаемыми из семантической памяти рассказчика.

Однако в дополнение к хронологическому протоколу существуют другие формы исторического повествования, которые основаны на обобщенном жизненном опыте человека и представляют собой культурно обусловленную попытку придать опыту психологическую («человеченную») форму. В такой форме сила и единство «Я» достигаются посредством «нарративности». Тогда следует принять за основу точку зрения, согласно которой человек рассматривает свое существование как конкретную историю, а не как физический или ментальный «объект». В этом случае необходимы герменевтически ориентированные исследовательские инструменты личной идентичности. Эти инструменты будут направлены на то, чтобы понять себя, и будут смоделированы на тех процессах, которые человек использует для понимания значения предложения, а не на процедурах идентификации характеристик или качеств.

С этой точки зрения проанализированное повествование, написанное в жанре военных мемуаров, является многослойным. Оно включает «фактический» слой – перечисление эпизодов боевых действий, тех или иных «случаев» из фронтовой жизни рассказчика. Другой его слой, который может быть обозначен как «смысловой», наделяет реальные события смысловыми узорами, которые трансформируют коллекцию прошлых событий в психологический портрет рассказчика, раскрывающий его намерения и ценности. Психологический портрет складывается из опосредованных групповой, ролевой и личностной идентичностью аспектами смысла, которые позволяют глубоко понять действия героя повествования и придать ему уникальное значение. Сами действия в этом случае рассматриваются как выражение личной и общественной жизни. При этом они происходят в культурных условиях, которые предопределяют их описание. Иными словами, описание действий принимает символические формы и, таким образом, перестает быть «частным смыслом» автора повествования и становится обобщенным осознанием того, какое значение изложенный материал имеет для общества, которому он адресован. Поэтому стоит говорить об общественной значимости нарратива. Он является выразителем социальных соглашений, которые дают оценку действий персонажей с точки зрения их соответствия моральным нормам и определяют, какие действия являются «хорошими» или «плохими». Это согласуется с тезисом Рикера о том, что в повествовании нет никакого действия, которое не приводит к апробации иерархии ценностей, для которых доброта и нечестие являются полюсами.

Предпринятый опыт нарративного исследования военных мемуаров позволяет сформулировать методологические и теоретические вопросы, полезные для продолжения работы. С нашей точки зрения среди них особого внимания заслуживают следующие. Во-первых, это вопрос о взаимосвязи ролевой, групповой и социальной идентичности. В конкретной ситуации все они проявляются одновременно. Поэтому имеет право на жизнь гипотеза, согласно которой, они, во-первых, иерархично организованы, и, во-вторых, личная идентичность занимает ведущее место в такой иерархии. Тогда личная идентичность и связанные с ней смыслы оказывают влияние на содержание ролевой и групповой идентичности. Проверка сформулированного предположения может быть задачей дальнейших исследований. Во-вторых, несомненный интерес представляет кросскультурный взгляд на проблему. Идентичность и смысловой аспект, сконструированные в нарративах людей, принадлежащих к разным сторонам конфликта или военных действий, выражающих разные культурные и идеологические ценности, скорее всего, будут иметь как несовпадающие, так и общие черты. Изучение тех и других поможет сделать понимание истории и «творящих» ее людей более глубоким.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юревич А.В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии, Ярославль / под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль: МАНП, 2005. – С. 377–397.
2. Л. Де Мос Психоистория. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 512 с.
3. Кирчанов М.В. Психоистория: история и основные направления исследовательской деятельности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – С. 71–84.
4. Золотавина Т.С. Психологический подход в изучении развития исторической личности: дисс. ... канд. психол. наук. – Саратов, 2005. – 174 с.
5. Шутова О.М. Психоистория: школа и методы. – Минск: Изд-во «Веды», 1997. – 176 с.
6. Polkinghorne D.E. Narrative Knowing and the Human Sciences. State University of New York Press. Albany, NY. 1988. p. 228.
7. Boydell K. Goering P., T. Morrell-Bellai Narratives of Identity: Re-presentation of Self in People Who Are Homeless // Qualitative health research, 2000. Vol. 10 No. 1, P. 26–38. DOI: 10.1177/104973200129118228.
8. Byrne B. Reciting the self Narrative representations of the self in qualitative Interviews // Feminist Theory. 2003, vol. 4(1). P. 29–49.
9. Казаринов О.И. Неизвестные лики войны: между жизнью и смертью. – М.: «Вуче», 2005. – 416 с.
10. Stevens A. The Roots of War and terror. London: London Bloomsbury Academic 2005. 274 p.
11. Daniel Ch., Gi-Wook Sh., Dsniel S. (Ed) Confronting memories of World War the Second. Seattle: University of Washington Press, 2014. 330 p.
12. Rowe S.M., Wertsch, J.V., Kosyaeva, T.Y. Linking little narratives to big ones: Narrative and public memory in history museums // Culture & Psychology, 2002, 8(1). p. 96–112.
13. Herman D. Introduction: Narratologies // New Perspectives on Narrative Analysis. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1999. p. 1–30.
14. Mello R. Collocation analysis: a method for conceptualizing and understanding narrative data // Qualitative Research. 2002, Vol. 2. №2. P. 231–243. DOI: 10.1177/146879410200200206.
15. Gergen K., Gergen M. Narrative Form and the Construction of Psychological Science // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. Ed by Theodore R. Sarbin. NewYork: Praeger, 1986. P. 22–44.
16. Брокмеер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
17. Кадырова Р.Г. Теория нарратива и нарративный анализ в психологии // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика и психология. – 2012. – № 2 (9). – С. 126–128.
18. Фабрикант М.С. Применение нарративного анализа в исследовании больших социальных групп // Психологический журнал. – 2010. – №1. – С. 64–68.

19. Сапогова Е.Е. Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и субкультура личности // Известия ТулГУ. Серия «Психология». – 2003. – Вып. 3. – С. 196–214.
20. Vassilieva J. Narrative psychology. Identity, Transformation and Ethics. Palgrave Macmillan UK, 2016. 200 p.
21. Crossley M. Narrative Psychology, Trauma and the Study of Self/Identity // Theory and Psychology. 2000, Vol. 10(4). P. 527–546. DOI: 10.1177/0959354300104005.
22. Чернов А.Ю. Качественный подход в психологическом исследовании: дисс. ... докт. психол. наук. – Ярославль, 2011. – 442 с.
23. Baumeister R. The crystallization of discontent in the process of major life change // Can Personality Change? Contributors: Todd F. Heatherton. American Psychological Association: Washington, DC. 1994. P. 281–294. DOI: 10.1037/10143-012.
24. Averill J.B. Matrix Analysis as a Complementary Analytic Strategy in Qualitative Inquiry // Qualitative Health Research. 2002, Vol. 12. No. 6. P. 855–866.
25. Barnard A., McCosker H., Gerber R. Phenomenography: A Qualitative Research Approach for Exploring Understanding in Health Care // Qualitative Health Research. 1999, Vol. 9. No. 2. P. 212–226. DOI: 10.1177/104973299129121794.
26. Stets J.E. Identity theory // Contemporary Social Psychological Theories. Peter J. Burke. Stanford University Press, Stanford, CA., 2006. P. 88–110.
27. Hogg M.A. Social Identity Theory // Contemporary Social Psychological Theories. Peter J. Burke Stanford University Press, Stanford, CA., 2006. P. 111–136.
28. Stryker S., Peter J. Burke. The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly, 2000. p. 284–97. DOI: 10.2307/2695840.

Bulanova Irina Sergeevna

Volgograd state university, Volgograd, Russia
E-mail: bis_m@mail.ru

Smolyansky Pavel Viktorovich

State historical memorial museum-reserve «Battle of Stalingrad», Volgograd, Russia
E-mail: pavel.68smol@gmail.ru

Chernov Alexander Yurevich

Volgograd state university, Volgograd, Russia
E-mail: a.chernov1@yandex.ru

The identity and semantic system of a soldier: the experience of a narrative analysis of military-historical memoirs

Abstract. The authors use an empirical study of the identity and semantic system of a soldier. The interest in personality psychology in a particular temporal context is reflected in numerous biographical and psychohistorical studies, in particular, on military history, behavior and experiences of a person in war. Proof of evidence and participants of the Great Patriotic War, which contain rich psychological material. They show their human properties, species cognitive, affective and behavioral responses to folding circumstances. He was associated with his role, social and personal identity.

The study was used by narrative analysis. This method of studying the system proves the identity of people participating in combat operations during scientific research in the field of scientific psychological research. The article is indicated as a mental scheme connecting individual actions and events into an interconnected and understandable whole. Narratives perform the function of representativeness and confirm the unity of beliefs and values, providing positive models to follow.

The study used the memories of the participant of the Great Patriotic War. The purpose of the study was to identify the characteristics of the individual participants in the hostilities.

The results summarize the structural and functional meaningful nature of the linguistic material that makes up the narration. It is established that group and personal identity have clearly expressed semantic conditions: control over current events and the achievement of a high level of self-efficacy, awareness of the values of committed actions, experiencing positive self-esteem, which necessitates successful self-presentation and demonstrating superiority over the enemy. The «psychological portrait» of the participant is a unique value.

Keywords: psychohistory; narrative analysis; role identity; social identity; personal identity; structural analysis of the narrative; content-functional analysis of the narrative